

Инь Чжоу уже потерял сознание и обмяк в объятиях Гу Цинсю, но тот, крепко обхватив его, долго не отпускал.

Феромоны, ставшие продолжением его собственных чувств, отзывались необычайным восторгом и удовлетворением. Железа под ладонью была упругой и набухшей, она пульсировала в такт сердцу, возбуждённая вторжением чужеродных феромонов.

Даже когда хозяин был без сознания, его инстинкты продолжали работать, по привычке пытаясь изгнать «чужака».

В этом органе, их главном оплоте, концентрация запаха была чрезвычайно высока, несравнима с той, что ощущалась в воздухе. Даже силы Гу Цинсю не могли сразу подавить эту мощь.

И всё же способности альфы уровня 3А были неоспоримы. Даже ослабленные в несколько раз после выхода из организма, его феромоны смогли на короткое время воцариться в чужой плоти.

Чрезвычайная властность.

Нужно прекращать. Он находился там, где ему быть не положено.

Разум подсказывал Гу Цинсю, что пора отступать. Он медленно начал выводить аромат, и это было так же трудно, как оттащить плачущего ребёнка от витрины с конфетами.

Альфю невозможно пометить, как и невозможно надолго удержать в его железе феромоны другого альфы. Однако такое глубокое проникновение всё же оставило на Инь Чжоу лёгкий след.

Юноша об этом не знал. Гу Цинсю в этот раз высвободил аромат белого тумана в лесу, но стимуляция от прямой атаки была настолько сильной, что парень ничего не почувствовал.

Над двумя автомобилями словно сгустилась тёмная туча. Воздух под ней пропитался влагой, невидимый туман окутал небольшое пространство.

Это была запретная территория, и любой, кто посмел бы приблизиться, был бы атакован её стражем.

Гу Цинсю, глядя на сомкнутые веки Инь Чжоу, глубоко вздохнул.

События приняли неожиданный оборот. Теперь, когда собеседник нёс на себе его запах, он не мог ослабить хватку ни на мгновение.

Говорят, что альфа, только что пометивший омегу, становится невероятно ревнив и не терпит ничего приближения, пока не пройдёт период восприимчивости или течки.

Но почему он испытывал нечто подобное сейчас?

Тело, руки, ноги — всё, вплоть до самих феромонов, — казалось, стремилось намертво удержать Инь Чжоу. Согнув колено, мужчина зажал его между ног, одной рукой контролируя затылок, а другой — талию.

Мышцы слегка напряглись, не оставляя пленнику ни единого шанса на побег.

Гу Цинсю несколько раз попытался разжать руки. Лишь когда феромоны окончательно покинули чужую железу и его след на теле Инь Чжоу рассеялся, он смог медленно, очень медленно ослабить хватку.

Это был биологический инстинкт. На короткое время альфа счёл это место своей территорией и не желал её покидать.

Стоило лишь полностью отступить, и всё наладится.

Откинув голову на дверь машины, он одной рукой продолжал придерживать юношу, чтобы тот не соскользнул на землю. Адамово яблоко дёрнулось, и напряжённое тело наконец немного расслабилось.

Он был измотан. Не физически, а морально — от борьбы с собственным естеством.

Сопротивляться инстинктам невероятно сложно, особенно для альфы его уровня. Это требовало колоссального напряжения ментальных сил.

Отдохнув немного, мужчина поднял Инь Чжоу и усадил его обратно в машину, чтобы надеть на него маску и шляпу.

Не зная, как долго тот пробудет без сознания, Гу Цинсю не мог оставить его в машине. Не будучи уверенным, что приступ не повторится, он решил забрать его к себе в номер.

Поправляя маску, он старался не касаться кожи парня. Его взгляд скользнул по сомкнутым векам.

«Такой послушный, неподвижный и молчаливый Инь Чжоу — редкое зрелище. Если бы не этот случай, я бы, наверное, никогда такого не увидел»

Затем он надел свою маску, поднял юношу на руки и направился в отель.

По пути вверх им встретилось несколько постояльцев. Он окутал их обоих лёгким облаком, заставляя любопытные и удивлённые взгляды в лифте лишь скользить по ним, но не приближаться.

Люди вокруг недоумевали. Какой сильный собственнический инстинкт у этого альфы! Даже за простой взгляд он угрожает феромонами.

Все решили, что мужчина несёт на руках омегу. Ведь тот свернулся в его объятиях, обнажая бледную кожу шеи. Железа, скрытая под воротником, по краям покраснела и припухла.

Очевидно, у омеги началась течка. Но почему он в таком состоянии оказался на улице? Разве не следовало ему заранее вернуться домой или принять ингибиторы?

Омега в течке на улице — это очень опасно. Наверное, его нашёл собственный альфа?

Стоявшие поодаль постояльцы строили догадки.

Но это было чужое дело, в которое никто не смел и не хотел вмешиваться. Ведь альфа был прямо здесь.

В номере Гу Цинсю отнёс Инь Чжоу в свою спальню и уложил на единственную большую кровать.

Юноша слегка нахмурился — очевидно, окутывающие его запахи доставляли ему дискомфорт.

Заметив это, мужчина слегка отозвал свои тайно ликующие феромоны.

Но не убрал их полностью.

В спальне горела лишь одна прикроватная лампа. Тусклый жёлтый свет падал на лицо спящего.

Гу Цинсю молча стоял, не уходя и не приближаясь. Со стороны могло показаться, что он просто застыл, глядя на Инь Чжоу.

Но это было не так.

Комната была наполнена феромонами, источником которых был альфа, стоявший в изножье кровати.

Инь Чжоу отвергал его присутствие, но собственные феромоны Гу Цинсю, однажды вторгшись в чужую железу и получив мимолётное удовлетворение, больше не испытывали отторжения.

Всем известно, что природа альфы ненасытна. Они обладают врождённым желанием контролировать и владеть всем, что считают своим.

Раньше мужчина не придавал этому особого значения, полагая, что способен всё контролировать.

И, по сути, так и было.

До встречи с Инь Чжоу.

Он надеялся, что этот контакт поможет его феромонам привыкнуть к юноше и, удовлетворив подавленное желание доминировать, сделает их менее агрессивными.

Но мимолётное удовлетворение породило ещё более пугающие фантазии.

Это вызвало в Гу Цинсю ярость.

Чувства разрывали его на части: с одной стороны — жгучее желание пометить, наполнить до отказа; с другой — гнев и осознание абсурдности этих мыслей, твёрдая решимость остановить это.

Выражение его лица стало холодным. Глаза были устремлены на Инь Чжоу, но взгляд оставался расфокусированным.

Феромоны, идущие против воли хозяина, — плохие феромоны.

И их следует наказать.

Прежде Гу Цинсю не обращал внимания на их непослушание. В конце концов, они были его частью, и он лишь подавлял их, позволяя им косвенно управлять своими действиями.

Но теперь он осознал, что его феромоны видят в Инь Чжоу почти омегу. Желания, которые они ему внушали, были немислимы. Не только Инь Чжоу, как альфа, никогда бы на это не

согласился, но и он сам этого не допустил бы.

Он человек, а не животное, подвластное инстинктам.

Этот случай напомнил ему о времени сразу после его дифференциации. Этот близкий, но чужой партнёр внутри него принёс ему немало страданий, мучая его целых полгода.

Но в итоге победа осталась за ним.

Он овладел своими феромонами, а не стал их рабом.

Сейчас был лишь новый виток борьбы.

Могучий альфа слегка прищурился. Вместо того чтобы просто подавлять себя, он сознательно высвободил небольшое количество феромонов, но строго контролировал их объём.

Затем, следуя их желанию, он придал им форму невидимых тонких нитей. Как и ожидалось, они тут же потянулись к спящему на кровати человеку.

Словно извивающиеся щупальца.

Контролируя их количество — не слишком мало, чтобы полностью их подчинить, и не слишком много, чтобы они не овладели им, — Гу Цинсю смог поддерживать хрупкий баланс. С помощью огромной силы воли он боролся с инстинктами, снова и снова оттягивая их назад, но так и не позволяя им коснуться кожи Инь Чжоу.

Феромоны тоже устают. Их выносливость зависит от физической силы, воли и состояния человека.

Гу Цинсю уже потратил много ментальных сил, почти полностью высвободив их раньше, чтобы помочь. Но именно в состоянии усталости он и собирался закалять свою волю, шаг за шагом подчиняя инстинкты.

Это звучит просто, словно он тренировался с кем-то другим, но на самом деле он боролся с самим собой. Усталость была не двойной, а многократно усиленной.

Обладание такими мощными феромонами требовало огромной платы.

Время шло. Наконец, парень на кровати шевельнулся, готовый проснуться.

В этот миг все феромоны в комнате мгновенно отступили, послушные и смиренные.

И Гу Цинсю впервые ощутил лёгкую усталость в своей железе.

Но он был доволен.

С непроницаемым лицом он подошёл к кровати и, наклонившись, включил большую лампу.

Инь Чжоу, разбуженный светом, окончательно очнулся.

Увидев перед собой высокий силуэт, он рефлекторно дёрнулся, чтобы вскочить, но его плечи были мягко прижаты к матрасу.

— Это я.

Инь Чжоу наконец пришёл в себя. Воспоминания нахлынули волной: его прижимают к железе, онемевший орган ничего не чувствует, но в следующую секунду резкая стимуляция сбивает его с ног.

От этих воспоминаний юноша инстинктивно вжал плечи.

Гу Цинсю замер и убрал руку.

— Прости.

Инь Чжоу покачал головой:

— Тебе не за что извиняться. Я сам попросил тебя об этом, и ты мне очень помог, даже принёс сюда.

Ему казалось, что под внешним спокойствием учителя Гу бушует буря, его аура была нестабильной.

«Наверное, устал после того, как помог мне»

Подумав об этом, он слез с кровати и потёр затылок.

Феромоны были на месте, но кожа на шее болела. Онемение, однако, прошло.

— Есть зеркало? Я посмотрю, — сказал он.

Гу Цинсю замер и слегка отвёл взгляд.

— В ванной.

Направляясь в соседнюю комнату, Инь Чжоу бросил через плечо:

— Кстати, как долго я спал?

— Около часа.

— Так долго? Мог бы и разбудить.

Стоя перед зеркалом, он оттянул воротник и замер. Железа была заметно краснее окружающей кожи, словно её безжалостно терзали. Она покраснела и опухла.

Так мог сделать только один человек.

Инь Чжоу посмотрел на отражение Гу Цинсю.

Взгляд мужчины скользнул по этому месту. Железа, словно созревший персик, слегка набухла, аппетитная и соблазнительная.

Осознав свои мысли, он помрачнел.

«Сдерживайся. Нужно сдерживаться»

Всё не выглядело бы так пугающе, если бы он отпустил Инь Чжоу сразу после процедуры. Но он мёртвой хваткой вцепился в него, словно пытаясь выжать из железы все феромоны или, наоборот, втиснуть свои. Именно поэтому она выглядела так, будто её терзали.

Он уже собирался извиниться, когда услышал слова юноши:

— Спасибо за труды, учитель Гу.

Гу Цинсю замер.

— ...?

— Я только сейчас понял. Я думал только о том, чтобы использовать тебя для лечения, и

совсем забыл, что именно ты больше всего не переносишь мои феромоны. А я ещё и заставил тебя касаться самого уязвимого места. Тебе, наверное, было ужасно неприятно.

Инь Чжоу представил себя на месте собеседника и тут же захотел отшатнуться на пятьдесят шагов. Неудивительно, что тот вёл себя так странно. Вот в чём дело!

Тогда парню было слишком плохо, голова работала неясно, вот он и предложил такой эгоистичный способ.

Гу Цинсю хотел было возразить:

— Нет...

Но Инь Чжоу похлопал его по плечу и тут же осторожно отдернул руку.

— Не надо ничего объяснять, факты налицо, у меня есть глаза. Я благодарен, что ты сдержался и не вырвал мне железу. Я немного поторопился, мы ещё даже не преодолели этап рукопожатия, а я уже попросил о таком. Прости, кажется, я тебя просто использовал.

— ...

Даже Гу Цинсю не нашёлся, что ответить. Логика Инь Чжоу была слишком естественной. Не мог же он сказать, что всё это произошло из-за его неконтролируемого желания.

«Быть использованным, наверное, лучше, чем прослыть тем, кто жаждет его феромонов?»

Инь Чжоу поправил воротник. Сопереживая, он с беспокойством посмотрел на мужчину и даже отступил на пару шагов к стене.

— Лечение только что закончилось, я тебя не раздражаю своим видом? Мог бы просто оставить меня в гостиной, зачем уложил в свою кровать? Хм, может, нам пока прервать наши тренировки по сближению?

Видя, что юноша всё понимает не так, Гу Цинсю прервал его:

— Я не испытываю к тебе отторжения, не выдумывай.

Инь Чжоу замер, разрываясь между верой и сомнением:

— Но моя железа... Не мог же ты довести её до такого состояния, забавляясь с ней? Ого, что-то меня потянуло на слишком двусмысленные речи.

Гу Цинсю молчал.

<http://bllate.org/book/15873/1442185>